

УДК 821.161.1.09: (=112.2)

Л. Мюллер

ОБРАЗ НЕМЦА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Стаття вперше оприлюднена у німецькому часописі “Der Rember”, № 4 за 1957 р. Розглядаються найбільш репрезентативні відгуки російських письменників про позитивні та негативні особливості національного німецького характеру: автори «Повісті временних літ» (2-е десятиліття XII ст.), І.Посошкова (1700), М.Гоголя («Невський проспект», 1835), А.Герцена, І.Гончарова («Обломов», 1857-58), Ф.Достоевського («Зимові замітки про літню поїздку», 1863; «Гравець», 1867), Л.Толстого («Війна і мир», 1864-69), М.Лескова («Залізна воля», 1876), К.Федіна («Міста і роки», 1924), М.Зощенко («Западня», 1933).

Автор приходить до висновку про корисність для німців знати, як їх сприймають представники інших культур, у даному випадку російські письменники.

Русская критика немецкого человека была сначала религиозного характера и осталась таковой в определённом отношении.

В легендарном повествовании древнерусской хроники о Крещении Руси посланцы, которых князь Владимир отправил к немцам ознакомиться с их религиею, рассказывают: «И придохомъ к немци, видьхомъ въ храмьхъ многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никояже» [5, с. 75]. Велепие же греческой Церкви производило сильное благоприятное впечатление на русов. Как известно, Владимир совершил выбор в пользу византийского христианства. Осуждение латинян вновь находим в этом памятнике под 989 годом: «Не преймай же ученья от латынь, их же ученье разьовращено: влезше бо въ церковь, не поклонятся иконамъ, но стоя поклонятся, и, поклонившеся, [каждый] напишетъ крестъ, на земли и целует, встав простъ, станеть на немъ нагами: да лечь целуетъ, а вставъ попираетъ» [5, с. 79].

Церковный раскол 1054 г. привел к открытому противостоянию. Немцы принадлежат к «латинской вере» или к «латинской глупости», и нужно остерегаться их, “ибо они в правой вере не живут... полна порчи вера... Ты, чадо, остерегайся ересей и всех их сочинений”, — так муж церкви старой Руси убеждает в письме князя, предостерегая его от латинцев.

Критика русскими неблагочестия немцев не была смягчена реформацией, но даже обострена. Трезводидактическое благочестие протестантских немцев, враждебное отношение к иконам, отрицание почитания Матери Божьей, молитв за умерших и культа святых, будничность их служб Божьей чужды русскому и глубоко непонятны. Так, пишет Иван Посошков около 1700 г.: Лютерово фальшивое ученье восприняли немцы только, как воздержанную жизнь. Теперь живут они порочно, как и их душпастьри, объясняют все правила согласно желаниям, “как свиньи ничто не считают прегрешением, не различают дни, всё для них является не греховным, во время великих постов женятся и выходят замуж, ... идут к причастию, после того, как наелись, напились, курили табак. Как неразумный скот, или как мордвины, которые не знают никакого закона, едят во все дни мясо”. Особенно возмущает поведение во время служб Божьей. Ради удовольствия своей изнеженной плоти и из “огромной гордости” молятся как евреи, сидя, “ходят в церкви в шапках, шляпах и париках, садятся в кресло, как на ярмарке, сидят, как на

рынке или в пивной”, и “так они не молятся Богу, но злословят его”. Они проводят жизнь в развлечениях, с танцами и играми, они надеются попасть в царство небесное. Их жизнь не евангелически-аскетическая, но языческая. “Они не заботятся ни о чём вокруг как о собирании богатств и великолепия этого мира... Они являются людьми этого мира, но не грядущего”.

Ненамного отличается от оценки этого простого мужа времени Петра Великого обобщенная в XIX в. критика немецкого человека славянофильскими философами и поэтами, вплоть до Н.Бердяева: немцы являются людьми этого мира; превосходно в нём устраиваются, но у них отсутствует стремление к всеобщему преобразованию этого мира, к грядущему миру, отсутствует эсхатологическое беспокойство.

При этом признаётся техническое превосходство немцев. Прекрасный пример из раннего времени представляет сообщение русского, который путешествовал в 1438 г. Германией и был поражен уровнем технической культуры. Он рассказывает о Любеке: “Мы видели весьма чудесный город. И поля там были, и невысокие горы, и сады, и весьма чудесные дворцы с позолоченными фронтонами. И монастыри у них весьма чудесны и крепки, и всякими товарами полон город. И вода у них бежит всеми улицами по трубам, и в некоторых местах она вытекает из колонок, холодная и сладкая”. Полный удивления описывает он непостижимое произведение искусства — играющие часы на Любекской Мариенкирхе. И так далее от города к городу удивляют чудеса. Особенно о Нюрнберге нужно говорить: “водопроводы и искусственные источники, как во всех прежде описанных городах, и даже представить это совершенно невозможно”.

Позднее очень остроумную вариацию этой старой темы технической культуры немцев дал русский сатирик М.Зощенко в рассказе “Западня” (1933).

Таким образом, многократно признается техническая сноровка немцев, но одновременно хвастовство немцев этими вещами воспринимается неприязненно.

С большим юмором и иронией и даже с самоиронией, изобразил это русское отвращение к немецкой самонадеянности Ф.Достоевский. В «Зимних заметках о летней поездке» (1863) он описывает пребывание в Кельне. Известный Собор его разочаровал. Соглашаясь, что его суждение было кое в чём несправедливым, писатель раздражен двумя обстоятельствами: во-первых, всюду кричащей рекламой Eau de Cologne, и, во-вторых, новым мостом через Рейн. “Мост, конечно, превосходный, и город справедливо гордится им, но мне показалось, что уж слишком гордится. Разумеется, я тотчас же на это рассердился. Притом же собирательно грошей при входе на чудесный мост вовсе не следовало брать с меня эту благоразумную пошлину с таким видом, как будто он берет с меня штраф за какую-то неизвестную мне мою провинность. Я не знаю, но мне показалось, что немец куражится. «Верно, догадался, что я иностранец и именно русский», — подумал я. По крайней мере его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь наш мост, жалкий русский, — ну ты червь перед нашим мостом и перед всяким немецким человеком, потому что у тебя нет такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Немец, конечно, этого вовсе не говорил, даже, может, и на уме у него этого не было, но ведь это всё равно: я так был уверен тогда, что он именно это хочет сказать, что вскипел окончательно. «Чёрт возьми, — думал я, — мы тоже изобрели самовар... у нас есть журналы... у нас делают офицерские вещи... у нас...» — одним словом, я рассердился и, купив склянку одеколону (от

которой уж никак не мог отвертеться), немедленно уехав в Париж» [3, т. V, с. 48-49].

Однако и всерьёз говорит Достоевский в другом месте, что бахвальство — черта немецкого характера, очень неприятное национальное свойство немцев, масштаб которого по истине поразителен. Особенно он почуствовал это после немецко-французской войны, во время которой жил в Германии: «самовлюблённость, гордость, и совершенную веру в неограниченную мощь, которые усиливались у всех немцев без исключения после немецко-французской войны. Народ, который редко одерживал выдающиеся победы, но часто с треском проигрывал, победил внезапно врага, который побеждал почти всегда» [Достоевский, т. V, с. V].

Русская критика направлена, однако, не только на отдельные характерные особенности немецкого характера, но и против немецкого образа жизни вообще. С ним знакомились не только относительно немногие русские, которые путешествовали по Германии и сами всё в Германии видели, но и широкие слои городского населения различным образом соприкасавшиеся с пребывающими в России с XVI в. немецкими врачами, ремесленниками и коммерсантами, крестьянами, солдатами и чиновниками.

В таком немецкие русские видели образ жизни, который значительно отличался от русского и нередко вызывал восхищение, чаще же критику: мастерство, усердие, экономию и добросовестность.

Немцам, в частности их усердию в работе, нельзя отказывать в восхищении, но, вместе с тем, пресловутая педантичность, железное терпение и самонадеянность «умелого» немца отталкивают и смешат.

Классически изображает Н.Гоголь в повести “Невский проспект” (1834) тип этого бережливого, аккуратного, честного, смотрящего с высокомерной гордостью на “безалаберного русского”, немецкого мещанина в образе жестяных дел мастера с Мещанской улицы” в Санкт-Петербурге. “Я почитаю не излишним, — пишет Гоголь, — познакомить читателя несколько покороче с Шиллером. Шиллер был совершенный немец, в полном смысле всего этого слова. Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русский живет на фу-фу, уже Шиллер размерил всю свою жизнь и никакого, ни в каком случае, не делал исключения. Он положил вставать в семь часов, обедать в два, быть точным во всем и быть пьяным каждое воскресенье. Он положил себе в течение десяти лет составить капитал из пятидесяти тысяч, и уже это было так верно и неотразимо, как судьба, потому что скорее чиновник позабудет заглянуть в швейцарскую своего начальника, нежели немец решится переменить своё слово. Ни в каком случае не увеличивал он своих издержек, и если цена на картофель слишком поднималась против обыкновенного, он не прибавлял ни одной копейки, но уменьшал только количество, и хотя оставался иногда несколько голодным, но, однако же, привыкал к этому. Аккуратность его простиралась до того, что он положил целовать жену свою в сутки не более двух раз, а чтобы как-нибудь не поцеловать лишний раз, он никогда не клал перцу более одной ложечки в свой суп; впрочем, в воскресный день это правило не так строго исполнялось, потому что Шиллер выпивал тогда две бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую, однако же, он всегда бранил. Пил он вовсе не так, как англичанин, который тотчас после обеда запирает дверь на крючок и нарезывается один. Напротив, он, как немец, пил всегда вдохновенно, или с сапожником Гофманом, или с столом Кунцом, тоже немцем и большим пьяницею. Таков был характер

благородного Шиллера...» [1, т. III, с. 38-39].

Интересны в этом описании также фамилии Шиллер и Гофман, которые соответствуют фамилиям: Ф.Шиллера и Е.Т.А.Гофмана, которые были в России во времена Гоголя наиболее читаемы и почитаемы из всех немецких писателей. Контрастом между величием этих мужей и мещанской пошлостью петербургских двоюродных братьев писатель достигает комического эффекта. Одновременно он хочет, чтобы зазвучала мысль, ясно высказанная другим критиком того времени: Германия имеет как будто два лица: идеализм и романтику с одной стороны, пошлую повседневность — с другой.

С превосходной самоиронией связывает Гоголь эту характеристику немецкого гражданина с короткой историей сапожника Телятника из «Мёртвых душ» (1841). «Учился ты у немца, который кормил вас всех, бил ремнём по спине за неаккуратности и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник. <...> А как кончилось твоё ученье: «А вот теперь я заведу свой домком, — сказал ты, — да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею». <...> Завел ты лавчонку, набрал заказов кучу, <...> достал где-то в втридешева гнилушки кожи и выиграл <...> вдвое на каждом сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбрали тебя подлейшим образом. И вот лавчонка твоя запустела, и ты пошёл попивать да валяться по улицам приговаривая: «Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают» [1, т. V, с. 141-142].

Немцы Достоевского лишь отчасти новые представители того же типа: таковы посетители кофейни в начале романа «Униженные и оскорблённые» или часовщик Шульц, о котором рассказывает бывший унтер-офицер в «Записках из мертвого дома». Однако Достоевский также на блестящем примере показывает атмосферу самоуверенности, высокомерия и одновременно весьма порядочного и почтенного бюргерства. В романе 1867 г. «Игрок» («Из записок молодого человека») герой рассказывает о земле Гессен и приходит при этом к выводу, что лучше долго владеть жизнью с киргизами, чем на немецкий лад собирать богатство. Это так возмущает его «татарское чувство», что он говорит с откровенным антиевропеизмом: «Ей-богу, таких добродетелей я совсем не хочу иметь! Ну, так всякая этакая здешняя семья в полнейшем рабстве и повиновении у фатера. Все работают, как волю, и все копят деньги, как жиды. Положим, фатер скопил уже столько-то гульденов и рассчитывает на старшего сына, чтобы ему ремесло или землицку передать; для этого дочери приданого не дают, и она остаётся в девках. Для этого же младшего сына продают в кабалу или в солдаты и деньги приобщают к домашнему капиталу. Право, это здесь делается; я расспрашивал. Всё это делается не иначе, как от честности, от усиленной честности, до того, что и младший проданный сын верует, что его не иначе как от честности продали, — а уж это идеал, когда сама жертва радуется, что её на заклятие ведут. Что же дальше? Дальше то, что и старшему тоже не легче: есть там у него такая Амальхен, с которою он сердцем соединился, — но жениться нельзя, потому что гульденов ещё столько не накоплено. Тоже ждут благонаравно и искренно и с улыбкой на заклятие идут. У Амальхен уж щёки ввалились, сохнет. Наконец, лет через двадцать благосостояние умножилось; гульденны честно и добродетельно скоплены. Фатер благословляет сорокалетнего старшего и тридцатипятилетнюю Амальхен, с иссохшей грудью и красным носом. При этом плачет, мораль читает и умирает. Старший превращается сам в добродетельного фатера, и начинается опять та же история. Лет эдак чрез

пятьдесят или чрез семьдесят внук первого фатера действительно уже осуществляет значительный капитал, и передает своему сыну, тот своему, тот своему, и поколений чрез пять или шесть выходит сам барон Ротшильд или Гоппе и Комп., или там чёрт знает кто. Ну-с, как же не величественное зрелище: столетний или двухсотлетний преемственный труд, терпение, ум, честность, характер, твердость, расчёт, аист на крыше! Чего же вам еще, ведь уж выше этого нет ничего, и с этой точки они сами начинают весь мир судить и виновных, то есть чуть-чуть на них не похожих, тотчас же казнить. Ну-с, так вот в чем дело: я уж лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулетке. Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрез пять поколений. Мне деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чем-то необходимым и придаточным к капиталу. Я знаю, что я ужасно наврал, но пусть так оно и будет. Таковы мои убеждения” [3, т. V, с. 226].

И. Гончаров в романе «Обломов» (1857-58) не без симпатии изображает усердного, волевого и успешного немца — старого Штольца и особенно его сына, который, правда, по материнской линии русский. Однако критика немецкого образа жизни здесь тоже имеет место. Характерна уже фамилия Штольц (нем. *Schtolz* — *гордость* — *Л.М.*). Показательно, как русская супруга молодого Штольца судит о своём муже и его народе: «На ее взгляд, во всей немецкой нации не было, не могло быть ни одного джентльмена. Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятно в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу.

Нет, так и ломают эти невежи, так и напирают на то, что у них положено, что заберут себе в голову, готовы хоть стену пробить лбом, лишь бы поступить по правилам.

Она жила гувернанткой в богатом доме и имела случай быть за границей, проехала всю Германию и смецала всех немцев в одну толпу курящих коротенькие трубки и поплёвывающих сквозь зубы приказчиков, мастеровых, купцов, прямых, как палка, офицеров с солдатскими и чиновников с будничными лицами, способных только на чёрную работу, на труженическое добывание денег, на пошлый порядок, скучную правильность жизни и педантическое отправление обязанностей: всех этих бюргеров, с угловатыми манерами, с большими грубыми руками, с мещанской свежестью в лице и с грубой речью” [2, т. II, с. 160-161].

И уже от своего имени антропонимом говорит писатель, что немцы с педантичной строгостью рассчитывают каждый шаг своей жизни, включая супружество. Это мы видели уже у Гоголя и Достоевского, и это встречается также у Толстого, в — образе немца Берга (нем. *Berg* — *гора* — *Л.М.*) в романе “Война и мир” (1864-69). Берг также представляет тип немца; аккуратного вплоть до педантичности, целеустремлённого вплоть до честолюбия, даже бракосочетание также должно служить карьере. Он ищет себе жену в замкнутом кругу высшего дворянства, к которому по своему происхождению не принадлежит. Но он выбирает время сватовства очень ловко: ждёт до тех пор, пока девица не достигла определённого возраста, когда после отклонения предложения этого жениха уже не сможет найти никого другого. Со столь же наивной самоуверенностью Берг считает, что сватовство принесёт ему успех, а при затруднительных обстоятельствах он, удачно выбрав момент, сможет получить деньги у благорасположенного тестя. Когда всё осуществилось согласно желанию и планам, он как молодой супруг, излагает жене свои принципы: прежде

всего следует везде искать знакомства с такими людьми, у которых можно будет просить в чём-то поддержки.

«Вот посмотрите, как я жил с первых чинов (Берг жизнь свою считал не годами, а высочайшими наградами). Мои товарищи теперь ещё ничто, а я на вакансии полкового командира, я имею счастье быть вашим мужем (он стал и поцеловал руку Веры, но по пути к ней отогнул угол заворотившегося ковра). И чем я приобрёл всё это? Главное умением выбирать свои знакомства. Само собой разумеется, надо быть добродетельным и аккуратным» <...> Берг встал и обнял свою жену, осторожно, чтобы не измять кружевную пелеринку, за которую он дорого заплатил, поцеловал ее в середину губ — Одно только что б у нас не было так скоро детей, — сказал он по бессознательной для себя филиации идей» [6, т. V, с. 222].

В карикатурном изображении появляется мотив “любовь по плану” и в рассказе “Железная воля” (1876) Н.Лескова. Герой рассказа — инженер Хуго Пекторалис из Доберана, с “железной волей”, которой он постоянно гордится и со своей “аккуратностью” в России быстро накопит 3000 талеров, в которых он нуждается, чтобы вступить в брак с Кларой. Когда он привезет их себе из Добенара, то они сочетаются браком. В течение трёх лет станут жить независимым. Он даёт при случае большой обед и объясняет озадаченным друзьям, что поводом этого праздника является не учреждение фирмы, но — свадьба. “Дело самое простое, у меня с Кларинькой так было положено, что когда у меня будет три тысячи талеров, я буду делать с Кларинькой нашу свадьбу. Понимаете, толкосвадьбу, и ничего более, а когда я сделаюсь хозяином, тогда мы совсем как нужно женимся. Теперь вы понимаете?”. На это русский: “Батюшки мои, я боюсь за вас, что начинаю понимать...” [4, с. 38].

Как и стоящие на правых позициях писатели, так и леворадикальные русские критики немецкого человека, начиная от Герцена (1812-1870), видят в нём, прежде всего “бюргера”. По мнению Герцена, хотя Германия породила идею социализма, но немецкая действительность оказывала сопротивление осуществлению этой идеи. Здесь слишком сильны силы середины. Немцы довольствуются малым. Они слишком легко готовы приспособливаться к политическим и социальным фактам, они «оправдывают действительность»; философ и теолог, учёный и художник служат органу власти, и народ организуется, соглашается, ибо лучше получить малое, среднее существование, и только единицы стремятся добиться большего.

Подобная критика, проведена советским писателем К.Фединым. Он поражался в 1914 г. военному началу в Германии. Он находился во время Первой мировой войны в лёгком гражданском интернировании в немецких городах. Наблюдал немецких людей в их участии в больших событиях и в реакции на эти события. В романе «Города и годы» (1924), написанном вскоре после окончания войны, писатель отразил свои впечатления и результаты общения с немцами. Ему Германия представляется такой же, как она представлялась Герцену, страной заурядности, самоудовлетворённости, до невыносимого состояния несправедливости; она представляется страной казённого благочестия, милитаризма и полицейского режима. Конечно, есть социал-демократическая партия, и она выступает в 1914 г. против войны. Но примитивная демонстрация разгоняется несколькими полицейским, и усердные мужчины СДПГ идут снова на рабочие места на фабрику, чтобы работать каждую минуту для войны, против

которой они протестовали. Конечно, немцы также совершают революцию в 1918 г. Однако это жалкая, дряблая пародия на то, что происходило в России. В Германии также есть люди, которые не удовлетворяют умеренность и счастье среднего человека, но такие люди захватываются и втягиваются в то необычное, что открывается им в исторических событиях в России. Здесь они находят то, чего не находили в Германии: большую возможность большого действия.

Такова картина, которая предстаёт перед нами, если мы смотрим в зеркало русской критики. Как мы должны это воспринимать? Узнаём ли мы там себя?

И если, — не узнаём, не виноваты ли мы в том, что мы не знаем себя или искажено это зеркало, что наш образ мрачен и отталкивающий? И то и другое может быть одновременно. Как семейное сходство часто замечается только посторонним, так и присущий народу габитус национального типа может восприниматься чужим народом в большей или меньшей степени яснее, чем нами. Однако, возможно, зеркало также не чисто и неотшлифовано. Другие будут судить только о том, что специфически отличается от их национального типа. Поэтому критика немца французом совершенно иная, чем критика русским. Кроме того, при такой критике традиционное суждение часто сильнее, чем живая действительность обсуждаемого.

Если однажды сложилось суждение об образе народа в пословице или литературном мотиве, то этот образ изменяется медленнее, чем сам народ.

Все же кое-что может быть увидено правильно. Критики из наших собственных рядов — Гёльдерлин, Гайне, Ницше — многократно говорили нечто подобное. Таким образом, русская критика может способствовать нашему познанию самих себя, правильности суждений о себе.

Вообще же постоянно повторяющаяся критика русскими идеалов бюргерства может показать, что из идеологических дискуссий с ними немного извлечет пользы, если мы их идее ничего другого не сможем противопоставить, как именно эту, часто ими критикуемую идею бюргерского благосостояния, приятной жизни «в этом мире».

1. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: В 6 т. — М., 1952-1953
2. *Гончаров И.А.* Соч.: В 4 т. — М., 1961.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. — Л., 1973.
4. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 11 т. — Т. VI, — М., 1957.
5. *Повесть временных лет. Ч. 1.: Текст и перевод — М., 1950.*
6. *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: В 22 т. — Т. V, — М., 1980

Summary

Im Aufsatz werden die repräsentativsten Urteile russischer Schriftsteller über positive und negative Besonderheiten des deutschen Nationalcharakters erörtert: des Autors von "Nestorchronik" (zweites Jahrzehnt des XII Jh.), I. Pososchkows (um 1700), N. Gogols ("Der Newski Prospekt", 1835), A. Herzens, I. Gontscharows ("Oblomow", 1857-58), F. Dostojewskis ("Winternotizen über eine Sommerreise", 1863, "Der Spieler", 1867), L. Tolstois ("Krieg und Frieden", 1864-69), N. Leskows ("Der eiserne Wille", 1876), K. Fedins ("Städte und Jahre", 1924), M. Zoščenkos ("Falle", 1933).

Der Verfasser kommt zur Schlussfolgerung über die Nützlichkeit für Deutsche zu wissen, wie sie von den Vertretern anderer Kulturen, in diesem Falle von den russischen Schriftstellern, aufgenommen werden.

Стаття надійшла до редколегії 5.09.2006